

Е. П. Ситникова

Этическая концепция романа А. Малышкина «Люди из захолустья»

В современном советском романе этические проблемы заняли важнейшее место. Это заставляет с особым вниманием отнестись к вопросу о традиционной преемственности таких проблем в советской литературе.

Сложными путями шло развитие жанра романа о труде в 30-е годы. Многие остались позади как проявление ученичества. Но наиболее плодотворными оказались традиции гуманизма, активный интерес писателей к процессу формирования характера рядового строителя социализма — обыкновенного человека, стремление в связи с производственными конфликтами решать и нравственные.

В этом плане одним из наиболее близких нашей современности является роман Александра Малышкина «Люди из захолустья» (1938). Его роман отличается ясно выраженной ориентацией, главным образом, на человека, его судьбу, духовный и социальный рост. Постановка проблемы дана уже в самой заглавии. Решению проблемы способствует композиционная структура романа, его сюжет. Малышкин стремился избежать тех признаков современных романов о труде, которые приобрели схематически-шаблонный характер. Уже не наименование стройки (например, «Гидроцентральный», «Соть») или признак эпохи («Время, вперед», «Энергия»), но люди-современники дают обозначение роману (окончательное заглавие двух частей предполагалось: «Люди 30-х годов»). В основе композиции не история стройки с обязательным вмешательством стихийных бедствий, не процесс выполнения производственного задания, а история жизни человека в связи с наиболее характерными явлениями эпохи первых пятилеток.

В. Ермилов писал, что главные книги А. Малышкина «Падение Даира», «Севастополь», «Люди из захолустья» свидетельствуют о неизменном интересе писателя к судьбам народных масс в различные эпохи, и потому критик считал возможным определить их как трилогию, повествующую о пути Великой Октябрьской социалистической революции¹.

Во всех трех произведениях мы ощущаем авторскую тенденцию связать данные конкретные события (бои за Перекоп, судьбу Черноморского флота в Февральской революции, строительство промышленного комбината в «год великого перелома») между собой, осмыслить

¹ См. В. Ермилов. Избранные работы, ГИХЛ, М., 1956, стр. 386.

их как важнейший исторический этап в жизни России, русского народа. В «Падении Дaira» в соответствии с романтически легендарной формой произведения даются исторические параллели образа России, борющейся сегодня и в веках за свое освобождение, прямым обращением к «Слову о полку Игореве». В повести «Севастополь» возникает образ Петрограда как города, где борьба самодержавия и вековых революционных традиций была особенно острой.

В «Людах из захолустья» наличествуют другие исторические ассоциации: не общая борьба с иноземцами, не подвиги отдельных революционеров, а народное массовое революционное движение, восстание Степана Разина и его соучастников показано как предыстория древнего Мшанска, откуда происходят Журкин и Соустин: «...оба конца времени, разделенные между собой такой чудовищной далью и непохожестью осмысливались в непререкаемой, неизбежной и вековечной слитности»².

Авторские отступления, объединенные общностью сказового, патетически-экспрессивного стиля, независимо от изменявшейся повествовательной манеры в разных книгах, показывают, как постепенно мечта народа из «сказок о прекрасных веках» перерастает в видимое, реальное, эбетающее форму и содержание в виде нового социалистического строя. В связи с концепцией истории России как общенародной борьбы и труда решается и важнейшая для Малышкина этическая проблема счастья.

Во взглядах ряда советских писателей в 30-е годы происходит существенная переоценка понимания счастья, свидетельствующая об их идейном росте, об установившейся морали коллективизма. Так, в первые годы революции Алексей Толстой и И. Эренбург утверждали единственное на земле «...счастье живой любви»³. В конце 20-х годов герои А. Толстого жили уже другими ошибочными представлениями: нет места личному счастью, когда в глаза смотрит революция. В заключительной сцене романа «Хмурое утро» (1941) Рощин оценивает понятие счастья как этической категории, как смысла жизни: «Россией рожден человек... Мир будет нами перестраиваться для добра, и это на моей родине, и это — Россия»⁴.

М. Шолохов завершил в 1940 году роман «Тихий Дон» суровым осуждением своего героя — Мелехова за то, что во всенародной борьбе за счастье «...стал он на грани двух начал, отрицая оба их»⁵. Таким образом, для романа 30-х годов характерно стремление к социально-историческому обоснованию происходящих изменений в стране в неразрывной связи с важнейшими этическими проблемами, смысл которых может быть выражен теми же словами А. Толстого: «Мир будет нами перестраиваться для добра».

Прогрессивность и гуманизм постановки проблемы счастья в советской литературе особо проявляется при сравнении с ее решением в ряде произведений мировой литературы 30-х годов. Судьба рядового человека занимает умы многих писателей в связи с судьбой «потерянного поколения». Стремление найти счастье в повседневной трудовой жизни сулит героям горькие разочарования, мечты оборачиваются жесткой действительностью послевоенного буржуазного мира Европы и Америки с его кричащими контрастами роскоши, нищеты и безработицы, зыбкостью отношений человека с обществом, непрочностью самого существования.

² А. Малышкин. Соч. в трех томах, ГИХЛ, М., 1946, т. III, стр. 59.

³ А. Толстой. Полн. собр. соч. в 15 томах, ГИХЛ, М., 1948, т. 4, стр. 534. См. И. Эренбург. Тринадцать трубок, «Огонек», М., 1922.

⁴ А. Толстой. Полн. собр. соч. в 15 томах, ГИХЛ, М., 1949, т. 8, стр. 399.

⁵ М. Шолохов. Собр. соч. в 8 томах. Изд. «Правда», М., 1962, т. 4, стр. 151.

Пессимизм и мрачная ирония пьесы Дос Пассоса «Вершины счастья» углубляется идеей исторической цикличности; замкнутого вечно повторяющегося круга отношений в капиталистической системе с неизбежностью крушения иллюзии американского «просперити» для маленького человека.

Колеблется и основной столп индивидуалистической надежды — обретение счастья только в любви. Э. Ремарк в 20-е—30-е годы был склонен к традиционному интеллигентскому противопоставлению личных и общественных отношений. Но в «Трех товарищах» (1932) катстрофа поколения участников и современников империалистической войны затрагивает трех тружеников, бывших солдат не только трагической общественно-трудовой стороной. Нет уверенности в завтрашнем дне, но не остается права и на личную радость. Отсюда и неизбежность противоречия в ремарковской концепции счастья. С одной стороны, он пытается утвердить всесилие дружбы и любви простых людей как нерушимых, вневременных человеческих идеалов счастья, с другой, — финал, застающий героя у постели умирающей от многолетнего истощения возлюбленной, делает бессмысленными и большие жертвы, принесенные его товарищами ради бескорыстной горячей дружбы, показывает непрочность человеческого бытия, иллюзорность счастья в Европе, стоящей между двумя войнами. Суровые и правдивые произведения прогрессивных писателей Запада будили массы на борьбу против социальной несправедливости, поднимали глас в защиту человека, рядового труженика, горячо решали вопрос о пути человечества к счастью, но часто давали отрицательный ответ о самой его возможности. Людям нужен был ответ, нужна была вера в возможность коренного изменения социальных условий, нужен был живой пример борьбы за справедливость, за счастье для всего народа.

Советские писатели отразили героические усилия народа в первых пятилетках. Не скрывая трудностей «драматической эпохи разрушения и созидания» (Горький), перестройки сознания рядового человека — вчерашнего ремесленника, крестьянина-одиночки, они показали нравственную высоту конечной цели строительства социализма как основы счастья для всех, преобразующую роль коллективного труда.

Конечно, решая эту проблему в романах о труде, советские писатели и в 30-е годы преодолевали определенные заблуждения; некоторые из них подчеркивали неизбежность жертвенности, аскетизма, самоотречения в настоящем ради будущего. Так, в книге Н. Зарудина «Тридцать ночей на винограднике» находим авторские раздумья о судьбе коммуниста-руководителя:

«Я узнаю в вас чистоту поколения, наши молодые годы, традиции нашей армии... Я полюбил Вас за высокую чистоту, за трезвую широкую радость вашего оптимизма... А у вас на Сретенке ничего нет, кроме сырых стен, книг и пыли на протоколах нескончаемых заседаний. Газетные статьи ваши читают, готовясь к докладам. Товарищи говорят о вас ласково усмехаясь, но я что-то не видел женских писем на вашем столе. Это грустно. Но я люблю вас именно за это. Я знаю, что вы всегда жили и радовались счастьем других»⁶.

Подобные оценки мы находим у Эренбурга («День второй» — большевик Шор), В. Гроссмана («Глюкауф» — большевик Лунин), Л. Леонова («Дорога на океан» — коммунист-руководитель Курилов). В порядке идейно-эстетических споров среди интеллигенции эта проблема была представлена у Ф. Гладкова в романе «Энергия» (1938).

В своем романе А. Малышкин и перекликается с современниками,

⁶ Н. Зарудин. Тридцать ночей на винограднике, «Советская литература», М., 1933, стр. 25.

и вместе с тем дает своеобразное толкование проблемы счастья. В. Вишневский заметил, что писатель владел «тайной радости», ускользающей от многих других писателей. Эта «тайна радости», которая сближает его с талантом А. Толстого, пронизывает эпическое произведение «Люди из захолустья» лирической авторской взволнованностью. В романе ощутима волна искреннего оптимизма, лишенного декларативности, ущербности и жертвенности. Малышкину важно было показать истинную красоту счастья, в борьбе за которое в массе тружеников рождается чувство ответственности за все то, что совершается в стране. Проблема счастья решается Малышкиным в социально-этическом плане в соответствии с идеями социалистического гуманизма и исторического оптимизма как неотъемлемых признаков социалистического реализма. А ведь решение это пришло к нему не сразу.

В некоторых произведениях Малышкина дореволюционного периода и 20-х годов критики (С. Нельс, Е. Никитина, А. Селивановский, А. Широков) неоднократно отмечали наличие отголосков идеалистических авторских представлений о двойственности мира и фатальных силах, якобы управляющих судьбами людей и страны.

Преодоление ошибочных представлений о движущих силах истории привело Малышкина к материалистическому мировоззрению. Победа революции и начало строительства нового социалистического общества, появление нового поколения людей с активно-преобразовательным отношением к жизни дали писателю веру в силу человека.

В самом романе изображены различные пути и представления о счастье и путях его обретения. Писатель иронически снижает (как и в повести «Севастополь») условно-романтическое понимание счастья как «роковой, тайной любви». Интеллигент Николай Соустин ищет себя в большом деле, но одновременно поклоняется идеалу счастья с «роскошной, таинственной женщиной», явно заимствованному из реквизита декадентской литературы. В романе развенчивается такого типа «счастье», его банальность, несоответствие общим принципам социалистической морали («Соустин понял, что устарел самый их быт, даже их любовь»). Наконец, отрицание такого «счастья» показано и в судьбе героини. Ольга чувствовала, что задыхается в кругу поэтов-«чудаков» и эпигонов от декаданса, в самой этой «недозволенной любви», Ее путь к освобождению граничит со страданием, которое она испытывает, преодолевая огромные трудности в поисках своего места в обществе.

«Счастья» жизни как «вселенского базара» ищет и добивается скрытый враг, кулак-спекулянт Петр Соустин, ненавидящий новый строй. Прочным, обжитым, вечным кажется ему философия обмана, хищничества, спекуляции. «Стародавние колокола торжества звонили над столом» хибары спекулянтки Аграфены. Смирненная церковница, бывший приказчик Сысой Яковлевич, сам он — Петр Соустин — три головы склонены в едином желании — ограбить, обмануть рабочих стройки, да и самое стройку пустить огнем, дымом. Однако ход событий на стройке показывает, что все это видимость прочности, а в самом деле — отголоски, мифы прошлого последние минуты жизни рвачей, мораль бешено сопротивляющегося, но неизбежно по законам истории уходящего класса.

Прочное настоящее счастье автор ищет и находит в судьбах тех, ради кого и чьими руками делалась революция, ради «множеств», которые на последнем этапе творчества и зрелости писательской мысли представлены в книге в образах людей с живыми индивидуальными характерами и устремлениями. Борьба народа за социализм, за превращение сказки в быль, мечты в действительность в этом романе изображены Малышкиным не как стихийное движение, корректируемое чьей-то посторонней волей. Органичность развития революции показана

на на судьбах живых людей, которые выходят на дорогу к социализму — единственно возможную и желанную дорогу к счастливой жизни:

Идейно-композиционным стержнем романа является история духовного возвышения, гражданского становления представителей двух поколений «захолустья» — столяра Журкина и батрака Тишки, которых партия вела в «год великого перелома» к объединению в трудовые коллективы строителей социализма. Таким образом, сами эти характеры были отмечены конкретным историзмом, «выхвачены» из жизни, типичны.

Чтоб ответить на вопрос о реальности счастья для этих людей; Малышкин решает проблему характера нового человека в присущем ему круге наблюдений, в соответствующих формах соприкосновения человека с жизнью и коллективом. Развитие человеческой личности он рассматривает прежде всего в его отношении к труду. В характере Журкина, «человека пожившего», его привлекает трудолюбие и трудоспособность, огромная физическая сила («руки-корневища», «густо-косматый»; «быком пошел вперед»), сочетающаяся с душевной простотой и честностью. Любимая черта в человеке из народа для Малышкина — неуёмная способность мечтать о счастье и добиваться осуществления этой мечты. Именно в главных этих факторах характера писатель видит основу возможности перестройки сознания героя, воспитание новой коммунистической нравственности. И здесь Малышкин продолжает лучшие традиции русских писателей, считавших, что для воспитания больших гражданских качеств в человеке должна быть нравственная основа.

Тема труда является главной, как бы поэтической темой романа, отражает новые исторические обстоятельства, когда труд становится средством обогащения личности. Во вставной — автобиографической — главе «Счастье» автор показывает драматизм мечты о счастье труженика до революции, тягу к труду-искусству, получающую порою наивное воплощение: «На шкафу у нас в жилой горнице покоилась одна вещь. Этот массивный дубовый гроб на изящных львиных ножках, украшенный крестами и херувимами из накладного серебра, и был образцом *дивного дядина художества* (курсив наш. — Е. С.). Он делался урывками, в свободные от осточертевшей казенной грубодельщины минуты, истосковавшийся и забитый судьбою мастер ликовал над ним и, может быть, плакал...»⁷

В судьбе и характере Журкина автор все время чередует воспоминания о прошлом с жизнью настоящей, чтобы постичь закономерности исторического процесса, показать прямое воздействие истории на человека. Исторической почвой, на которой неизбежно возрос индивидуализм мастера-труженика одиночки Журкина, было бедованье, конкуренция, безработица. Через движение живого человеческого характера в романе показано трудное, исполненное драматизма превращение захолустно-окуровской Руси в Россию социалистическую.

По пути на великую стройку Журкин думает: «А тут уж не до счастья — поскитался за ним в жизни довольно, только бы не пропасть, промаяться как-нибудь эти тяжелые годы»⁸. И верно, на стройке Журкин сначала чувствует лишь «волшебный воздух добычи», заработной, правда, собственным трудом. О внутреннем противоречии этого пока совершенно забитого, малосознательного человека говорят авторы известных работ о творчестве А. Малышкина В. Ермилов, Л. Хватов, которые детально прослеживают и противопоставляют психологию Журкина и психологию бывшего кулака, матерого собствен-

⁷ А. Малышкин. Соч. в трех томах, т. III, стр. 55.

⁸ Там же, стр. 138.

ника Петра Соустина. Сравнение показывает, что в то время, как Петр ищет спекуляций, «большой воды» для наживы, радуется трудностям на стройке, Журкин связывает с ней все свои надежды, согласен претерпеть «любую тяжелину», лишь бы была работа. И даже в первоначальный момент в душе бедняка живет то, что привлекает внимание писателя: мечта не только о сытости, но и о счастье. И это придает характеру Журкина душевность и лиричность. Авторское сознание неизмеримо выше, яснее, чем у героя, но сам герой понятен и дорог Малышкину. Потому описание самых тяжелых будней, голодания в дороге, униженности, зависимости вначале от Петра, боязни Подопригоры пронизаны истинным драматизмом, авторским гуманизмом, желанием помочь своему герою найти и свое место и новую человеческую гордость. Не только талант реалиста, но и близость автора к герою позволили создать столь убедительные внутренние монологи, перемежающиеся авторскими наблюдениями и выводами о медленно меняющейся психологии мелкого собственника.

Вот Журкин видит и чувствует, как благополучествуют Петр и Аграфена за счет наворованного, как вынашивают планы об уничтожении стройки. Недавно он сам, брезгуя мошенничеством, ни за что не вмешивался в их дела. А здесь его мысли о своей работе вдруг облекаются в сознание неразрывности своего личного благополучия с общей заводской судьбой: «Уныние овладело им. Долина стройки раздвигалась под ногами ровно, как по озеру, солнечно, населенно, вся в лагерных дымках, в крышах, в шершавых торчках лесов, арматурных вышек, в промелях могуче-бетонных бастионов. Все это росло неостановимо, день ото дня, подобно полой воде, достигало свое будущее... И все это будет истреблено? Он мысленно накинул на эти крыши ветра, объятую огнем Сызрань, которая до сих пор содрогала его в снах. И он видел пламя еще страшнее, чем во снах»⁹. Здесь соединяется волнение автора и героя, переданное живым народно-образным разговорным языком. Оно отражает правду психологического искусства Малышкина, типизирующую глубинные процессы народного сознания в первые годы великого строительства.

Проблема счастья получает в судьбах героев не индивидуалистическое, а новое социалистическое разрешение. Вначале мечта героя о счастье оказывается иллюзией, ибо это счастье в понимании собственника — сытость для себя, безотносительно к интересам других. Когда же он почувствовал себя нужным и полезным людям как мастер своего дела, горизонт мечты его раздвинулся. От дядиной гробовой мастерской, где он в детстве видел себя хозяином, он захотел стать одним из хозяев жизни, охранить стройку и людей от зла. Эту особенность эпохи строительства социализма — пробуждать в людях высокие душевные качества — автор связывает с образом коммуниста Подопригоры, который помог забитому батрачонку Тишке распрямить согнутые от нищенства коленки¹⁰ и разжег в сумрачно-неразговорчивом Журкине жажду стать застрельщиком соревнования.

Душевная, жизненная определенность рождает в Журкине все более и более активно-творческое отношение к жизни:

«Уже татарская бригада вынула за смену какое-то чудовищное количество кубов земли... отличались монтажники, арматурщики, слесари. Но про столяров еще не было слышно... не слышал еще Журкин

⁹ А. Малышкин. Соч. в трех томах, т. III, стр. 322.

¹⁰ Критик А. Малахов в 30-е годы правильно заметил, что «если бы даже Подопригора был показан только на самих отношениях с Тишкой — то и тогда это был бы удивительный образ партийца» («Новый мир», 1939, № 4, стр. 242). Эта мысль широко разработана — уже на новой основе — в интересной книге И. Крамова «Александр Малышкин» («Советский писатель», М., 1965).

про столяров, и сердце его исподтишка жгуче предвкушающе билось...»¹¹

И в этом желании расти самому, расти в глазах таких же тружеников, как он, и участвовать в том огромном, что носило имя социализм, Малышкин видит истинное счастье своего героя и тех, чьи черты воплотились в нем. «Все внутреннее действие «Людей из захолустья», вся система образов этого произведения строго подчинены одной идее торжества в человеке человеческого, творчества, радости, счастья искренних и глубоких чувств»¹², — так откликнулась критика на появление романа.

Выведенные советским строем из темноты захолустья люди-труженики, люди-мечтатели, люди доброго душевного порыва — таков рост героев романа, таково решение проблемы счастья в советской литературе 30-х годов.

Своим незаконченным романом Малышкин как бы подготовил дальнейший путь развития жанра романа о людях труда в послевоенный период, где проблема счастья человека и народа стала центральной нравственной проблемой.

---

¹¹ А. Малышкин. Соч. в трех томах, т. III, стр. 338.

¹² «Омский альманах», 1939, I, стр. 177.

Кафедра русской литературы Днепрпетровского университета
